

Ланко Д. А.

«Мимикрия» как препятствие для развития отношений между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом

Ланко Дмитрий Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры европейских исследований
Кандидат политических наук, доцент
dimpapa@hotmail.com

РЕФЕРАТ

Статья пытается дать ответ на вопрос, почему в условиях, когда при создании Евразийского экономического союза широко использовался опыт Европейского союза, что должно было бы облегчить развитие отношений между двумя интеграционными объединениями, на деле со стороны ЕС можно отметить крайне скептическое отношение как к перспективам самого ЕАЭС, так и к перспективам развития отношений между ним и Евросоюзом. В статье демонстрируется, что институты и политические практики, на которых основывается деятельность ЕАЭС, не только внешне, но и по сути схожи с теми, которые существуют в ЕС. В качестве важнейшей причины этого статья называет тот факт, что к разработке структуры этих институтов и особенностей этих политических практик активно привлекались российские специалисты в области европейских исследований. Однако, как показано в статье, западные элиты предпочитают не замечать сходства между ЕАЭС и ЕС, одновременно подчеркивая различия между двумя интеграционными объединениями. Для западных элит представляется крайне важным продемонстрировать, что институты и политические практики, разработанные для ЕАЭС, «почти такие же, но не совсем», как те, которые действуют в ЕС. Такое отношение делает возможным использовать для характеристики отношения западных элит к ЕАЭС понятие «мимикрия» в значении, которым эту категорию наделяет постколониальная теория международных отношений. В статье демонстрируется, что такое отношение у западных элит наблюдается не только к евразийскому интеграционному проекту, но к большинству региональных интеграционных объединений, существующих в разных регионах мира. Такое отношение называется в статье основным фактором, препятствующим развитию отношений между ЕС и ЕАЭС, между ЕС и другими региональными интеграционными объединениями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международные отношения, пост-колониализм, мимикрия, Евразия, Европа, интеграция, ЕАЭС, ЕС

Lanko D. A.

“Mimicry” as an Obstacle for Development of the Relations between the Eurasian Economic Union and the European Union

Lanko Dmitry Aleksandrovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Associate Professor of the Department of European Studies
PhD in Political Science, Associate Professor
dimpapa@hotmail.com

ABSTRACT

The article attempts to answer, why, though European Union's experience inspired the founders of the Eurasian Economic Union, which was expected to ease development of relations between the two integration unions, in practice, the EU is very skeptical about both the prospects of the EEU and the prospects of relations between the EU and the EEU. The article demonstrates that institutions and political practices established for the EEU do not only appear to resemble the institutions and practices working in the EU, but institutions and practices of

both integration unions are essentially similar. The main reason is that Russian experts in European studies actively participated in working out of the institutional structure and the political practices for the EEU. However, the article concludes that Western elites prefer not to notice the similarities between the EU and the EEU, while underlining differences between them. It is very important for Western elites to demonstrate that institutions and political practices of the EEU and the EU are “almost similar, but not quite”. Thus, it is justified characterizing Western elites’ attitude to the EEU in terms of ‘mimicry’, in the meaning given to that notion in Post-Colonialism in International Relations. The article explains that Western elites do not only demonstrate such kind of attitude to EEU, but almost to all other attempts of regional integration that have ever been undertaken in various parts of the world. The article names such attitude the main obstacle to development of relations between the EU and the EEU, and between the EU and other regional integration unions.

KEYWORDS

international relations, post-colonialism, mimicry, Eurasia, Europe, integration, EEU, EU

Важнейшим аспектом отношений между Западом и остальным миром является существующее на Западе противоречивое отношение к попыткам воспроизводства западных политических практик не-западными странами. Зачастую те политические практики, которые используют сами страны Запада, вызывают их резкую критику в случаях, когда аналогичные политические практики начинают использоваться странами за пределами Запада. Некоторые исследователи, подобно Л. С. Вайцберг [19], используют для определения этого феномена понятие «двойные стандарты», под которыми понимается — в широком смысле — практика применения различных критериев к ситуациям, которые настолько схожи, что заслуживают одинакового отношения, а в узком смысле — стремление скрывать или отрицать собственные недостатки, одновременно критикуя недостатки других. Вместе с тем, как будет показано ниже, страны Запада зачастую прибегают к подобной практике даже в тех случаях, когда речь не идет о недостатках.

Так, несмотря на то, что Евразийский экономический союз создавался по образцу Европейского союза, в странах — участниках последнего мы обнаруживаем крайне негативное отношение к процессам евразийской интеграции, что является важнейшим препятствием для развития взаимовыгодных отношений между двумя интеграционными объединениями. Представители западных политических и интеллектуальных элит, публично выражающие свое негативное отношение к процессам евразийской интеграции, одновременно не считают европейскую интеграцию негативным политическим процессом. Поэтому вместо понятия «двойные стандарты» для характеристики данного феномена здесь будет использовано понятие «мимикрия», привнесенное в политологию из лингвистики и биологии приверженцами постколониальной теории международных отношений. «Мимикрия» — это не только и не столько попытка создать за пределами Запада политическую практику, внешне схожую с принятой на Западе, но отличающуюся от западной практики по сути.

Понятие «мимикрия» характеризует также отношение западных элит к любым политическим практикам, возникающим за пределами Запада и внешне напоминающим принятые на Западе практики, вне зависимости от того, идет ли речь исключительно об имитации сходства с западными практиками или же о попытке воспроизвести не только внешние черты, но и суть западных практик. Как будет показано ниже, при создании Евразийского экономического союза, действительно, широко использовался опыт Европейского союза к выработке политических практик, на основе которых будет строиться сотрудничество в рамках ЕАЭС, активно привлекались российские ученые, работающие в проблемном поле европейских исследований. Несмотря на значительные внешние и сущностные сходства между евразийским и европейским интеграционными проектами, на Западе дискуссия

о ЕАЭС сводится, главным образом, к обсуждению различий между ЕАЭС и ЕС. Впрочем, подобное отношение характеризует подход западных элит не только к процессам евразийской интеграции, аналогичное отношение в ЕС мы обнаруживаем и к региональным интеграционным проектам в других частях света.

Понятие «мимикрия» в постколониальной теории международных отношений

Понятие «мимикрия» используется как в естественных науках, например в биологии, так и в гуманитарных науках, например в лингвистике. В биологии под мимикрией понимается внешнее сходство не только между различными видами животных, относящихся к разным родам, семействам или отрядам, но даже и внешнее сходство между некоторыми видами животных и растений. К мимикрии прибегают как потенциальные хищники, так и их потенциальные жертвы. Так, некоторые виды животных в процессе эволюции выработали внешнее сходство с другими видами животных или растений, чтобы на их фоне стать незаметными для потенциальных хищников. Но и некоторые виды хищников в процессе эволюции выработали внешнее сходство с потенциальными жертвами, включая способность издавать звуки, характерные для последних, чтобы таким образом привлечь потенциальную жертву. Понятие «мимикрия» в биологии появилось благодаря трудам исследователя долины Амазонки Г.У. Бейтса. В СССР проблемами мимикрии в биологии занимался, в частности, Н.И. Вавилов [9, с. 203].

В лингвистике в качестве известного, но недостаточно изученного феномена выступает «коммуникативная мимикрия», под которой понимается «изменение говорящим свойственного ему стиля коммуникации для осуществления своих целей в определенной коммуникативной ситуации» [6]. В постколониальной теории международных отношений понятие «мимикрия» появилось благодаря работам индийского ученого Х.К. Баба. Исследуя тексты, главным образом британских литературных произведений и официальных документов колониального периода, описывающих в художественной или бюрократической форме происходящее в колониях, включая Индию, он пришел к выводу об амбивалентном характере представлений имперских элит о попытках воспроизводства британских культурных, в том числе политических практик в колониях. По его мнению, результаты этих попыток воспринимались в имперском центре в качестве практик, «почти таких же, [как те, которые существуют в имперском центре — Д.Л.], но не совсем» [12, р. 122].

В качестве примеров мимикрии можно рассматривать и попытки формирования в бывших колониях, а в более широком плане — во всех странах за пределами Запада политических институтов по образцу тех институтов, которые существуют на Западе, включая и региональные интеграционные институты. По мере формирования этих институтов на Западе возникают двойственные представления о них. С одной стороны, западные элиты стремятся искать, а иногда — и способствуют формированию за пределами Запада институтов по западному образцу. Результаты этого поиска и содействия отражаются в тех текстах — художественных и официальных, — которые создаются на Западе. В западных оценках сам факт того, что некие не-западные субъекты пытаются создавать институты по западному образцу, располагает этих не-западных субъектов ближе к оценивающим западным субъектам на шкале, основанной на концепции К. Шмитта «свой — чужой».

С другой стороны, не-западные субъекты никогда не становятся, в западных представлениях, полностью «своими». Как следствие, западные тексты концентрируются на отличиях между западными практиками и теми, которые возникают по их образцу за пределами Запада, пытаясь найти подтверждение существующим

на Западе представлениям о том, что создаваемые за пределами Запада практики лишь имитируют те западные практики, по образцу которых они создаются, но, по существу, западные и не-западные практики продолжают различаться, несмотря на кажущееся внешнее сходство. Эта амбивалентность позволила таким исследователям, как Л. Линг, указать на различия между «формальным» и «сущностным» видами мимикрии [16]. Под формальной мимикрией понимаются явные попытки имитации западных практик, не оставляющие сомнений в существовании глубоких сущностных различий между западными «оригинальными» и не-западными «имитирующими» практиками.

Под сущностной же мимикрией понимаются попытки воссоздания западных практик за пределами Запада в такой форме, которая заставляет усомниться в том, что речь идет именно об имитации, а не о создании практик «совсем таких же», в терминологии Х.К. Баба, как на Западе. Для западных элит представляется крайне трудным признать, что некие субъекты за пределами Запада оказались способны воссоздать западные политические практики без сущностных искажений, поскольку такое признание ставит этих субъектов вровень с самим Западом и разрушает стереотип о превосходстве Запада над остальным миром. Понятие мимикрии используется в исследованиях политических проблем международных отношений не только применительно к взаимоотношениям между бывшими империями и бывшими колониями. Так, это понятие применяется для анализа попыток Китайской Народной Республики воссоздавать западные практики валютного регулирования с целью включения юаня в корзину резервных валют Международного валютного фонда в трудах таких авторов, как П. Фердинанд и Дж. Вонг [14], несмотря на то, что Китай целиком никогда не был колонией какой-либо из западных стран.

Европейский союз и Евразийский экономический союз: сходство институтов и политических практик

Элиты постсоветских стран, принявшие участие в создании Евразийского экономического союза, не пытались скрывать, что он создается по образцу европейского интеграционного объединения — Европейского союза. Так, менее чем через полгода после подписания 29 мая 2014 г. в Астане Договора о Евразийском экономическом союзе Россией, Беларусью и Казахстаном (Армения присоединилась к ЕАЭС в том же году, Кыргызстан — в 2015 г.) Евразийская экономическая комиссия опубликовала издание, в котором были изложены вопросы функционирования ЕАЭС [2]. В нем на более чем 200 страницах трижды сообщается о том, что те или иные практики функционирования ЕАЭС созданы с учетом опыта практик Европейского союза. Во-первых, в издании говорится, что «для установления единых правил и подходов обеспечения безопасности и обращения продукции, требования к которой не установлены техническими регламентами Союза, будет принят международный договор» [2, с. 104].

Указывается также, что этот международный договор будет разработан «по аналогии с Директивой об общей безопасности продукции» Европейского союза¹. Во-вторых, сообщается, что для согласования макроэкономической политики стран — участниц ЕАЭС ежегодно будут вырабатываться основные ориентиры их макроэкономической политики, причем делаться это будет «аналогично процедуре, успешно (курсив мой — Д.Л.) действующей в Европейском союзе» [2, с. 115]. В-третьих, если макроэкономические показатели одной из стран — участниц ЕАЭС

¹Directive 2001/95/EC of the European Parliament and of the Council of 3 December 2001 on general product safety // Official Journal of the European Communities. 2002. January 15. P. L. 11.

не будут соответствовать ранее определенным значениям, то в этом случае должны быть разработаны и реализованы национальные либо совместные меры и рекомендации Евразийской экономической комиссии в интересах стабилизации ситуации. «Это решение, — указывает издание, — также было принято в соответствии с опытом Европейского союза» [2, с. 117], а конкретно — в соответствии со ст. 121 и 126 Договора о функционировании Европейского союза¹, составляющими основу так называемого Пакта стабильности и роста ЕС.

Институционально структура Евразийского экономического союза также напоминает структуру Европейского союза. По аналогии с Европейским советом высшим наднациональным органом ЕАЭС является Высший Евразийский экономический совет, в состав которого входят президенты пяти стран — участниц ЕАЭС. С 2010 г., когда был создан Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, Совет играл роль руководящего органа Таможенного союза. С 2012 г., когда было создано единое экономическое пространство трех стран, Совет играл также роль руководящего органа ЕЭП. В 2014 г., когда был создан ЕАЭС, Совет начал играть роль руководящего органа этого интеграционного объединения. После присоединения к Таможенному союзу и к Единому экономическому пространству Армении и Кыргызстана, главы этих государств также вошли в состав Совета. Совет собирается не реже раза в год, все решения на Совете принимаются консенсусом, а принятые решения становятся обязательными для исполнения всеми странами — участницами ЕАЭС. Важнейшей задачей Совета является определение состава и сферы полномочий других институтов ЕАЭС.

По аналогии с Европейской комиссией, постоянно действующим наднациональным регулирующим органом ЕАЭС является Евразийская экономическая комиссия. Она была образована вслед за созданием в 2010 г. Таможенного союза, до появления единого экономического пространства, на основе подписанных Беларусью, Казахстаном и Россией в 2011 г. Договора о Евразийской экономической комиссии и Договора о Регламенте работы Евразийской экономической комиссии. Управление комиссией осуществляется на двух уровнях: на уровне Совета Евразийской экономической комиссии и на уровне Коллегии Евразийской экономической комиссии. В Совет Комиссии входят по одному представителю от каждой страны — участницы ЕАЭС на уровне заместителя председателя правительства. В Коллегию Комиссии входят по три представителя от каждой страны-участницы ЕАЭС на уровне министров, как правило из так называемых экономических блоков правительств стран-участниц. Таким образом, структура Евразийской экономической комиссии сочетает в себе элементы структур Европейской комиссии и Совета Европейского союза.

По аналогии с Судом Европейского союза, судебным органом ЕАЭС является Суд Евразийского экономического союза. Также одним из руководящих органов ЕАЭС является Межправительственный совет, в который входят премьер-министры стран-участниц. Все они являются полупрезидентскими республиками, сходство форм правления облегчает формирование наднациональных органов власти. Это отличает ЕАЭС от Европейского союза, где часть стран-участниц является монархиями, а часть — республиками, причем из республик, входящих в состав ЕС, часть представлена в Европейском совете главами государств (например, Франция), большинство же стран ЕС представлено в Европейском совете главами правительств. Любопытно, что в Договоре о Евразийском экономическом союзе не упоминаются органы парламентского взаимодействия, которые могли бы быть созданы по аналогии с ранними формами парламентского взаимодействия в рамках интеграционных процессов в Западной Европе, например, по аналогии с Общей ассамблеей

¹ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Communities. 2012. October 26. P. C326.

Европейского сообщества угля и стали. Тем более что в рамках Евразийского экономического сообщества, действовавшего в 2001–2014 гг. и упраздненного в связи с созданием Евразийского экономического союза, действовала Межпарламентская ассамблея.

Евразийская интеграция и европейские исследования в России

С тех пор, как число членов Европейского союза увеличилось с 15 до 25 (сегодня в Европейском союзе 28 государств-членов), в результате расширения 2004 г., это интеграционное объединение стало крупнейшим торгово-экономическим партнером Российской Федерации. Несмотря на снижение товарооборота в 2014 г. в результате взаимного введения странами ЕС и Россией экономических санкций в отношении друг друга, ЕС остался важнейшим торгово-экономическим партнером России. Согласно заявлению заместителя министра иностранных дел России А. Ю. Мешкова [10], в 2014 г. товарооборот между Россией и ЕС снизился по сравнению с 2013 г. почти на 10%, снижение товарооборота продолжилось и в 2015 г., а доля Евросоюза во внешней торговле России впервые с 2004 г. упала ниже 50%. Для Евросоюза Россия также осталась третьим по значимости торгово-экономическим партнером после США и Китая. В этих условиях неудивительно, что одним из важнейших аспектов исследований политических проблем международных отношений в России являются исследования процессов европейской интеграции, европейские исследования.

Европейскими исследованиями в России занимаются, в первую очередь, в Институте Европы и Институте мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук, а также в Московском государственном институте международных отношений (университете) Министерства иностранных дел России и в Санкт-Петербургском государственном университете. Европейскими исследованиями занимаются и в других высших учебных заведениях России, расположенных в западных регионах страны, в непосредственной близости от границы со странами ЕС. Так, в Балтийском федеральном университете имени И. Канта, расположенном в Калининграде, в 2000–2007 гг. под эгидой Совета государств Балтийского моря работал «еврофакультет», в 2009–2015 гг. он функционировал в Псковском государственном университете. О результатах работы «еврофакультета» в Пскове пока рано судить; так, в Пскове до сих пор не сформировалось регионального отделения российской Ассоциации европейских исследований.

Любопытно, что многие российские исследователи, известные своими работами в области европейских исследований, также имеют ряд научных работ по проблематике евразийской интеграции. Начало изучению процессов евразийской интеграции российскими учеными, работающими в проблемном поле европейских исследований, было положено в 2009 г., когда в книжной серии «Доклады Института Европы РАН» вышел сборник докладов, озаглавленный «ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС» [3]. Помимо Ю. А. Бойко, А. Ю. Бочерева и М. Г. Носова в подготовке докладов для сборника приняли участие такие известные в России специалисты по европейским исследованиям, как Н. В. Говорова, О. Ю. Потемкина, Л. О. Бабынина, Н. Б. Кондратьева и Н. Ю. Кавешников. Также в данном контексте нельзя не отметить признанного специалиста по европейским исследованиям О. В. Буторину, чьему авторству принадлежат также несколько статей по проблематике евразийской интеграции [1].

Среди петербургских специалистов по европейским исследованиям можно также обнаружить авторов, обращавшихся к проблематике евразийской интеграции.

Во многом это было связано с тем, что именно в Санкт-Петербурге в 2001–2014 гг. располагалась Межпарламентская ассамблея ЕврАзЭС (здесь также находится Межпарламентская ассамблея стран-участниц СНГ), которая издавала, начиная с 2007 г., научный журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». Научные статьи по проблематике евразийской интеграции мы обнаруживаем у таких сотрудников кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, как Д. А. Ланко [5], Ю. В. Мишальченко [7], Т. А. Романова [8] и С. Л. Ткаченко. Кроме того, те авторы, у кого мы находим значительное число статей по проблематике евразийской интеграции, нередко обращаются в своих научных работах к опыту европейской интеграции. В качестве примера можно назвать труды Ю. В. Косова [4].

Некоторые из перечисленных авторов получили образование в западноевропейских высших учебных заведениях, специализирующихся на подготовке кадров для институтов Европейского союза, в первую очередь в Колледже Европы, расположенном в Брюгге, Бельгия. Некоторые из них имеют опыт практической работы в Европейской комиссии, в других институтах ЕС. Этот свой опыт и знание процессов европейской интеграции они использовали не только для подготовки научных работ, но и для консультирования представителей органов власти России и других государств, сформировавших впоследствии Евразийский экономический союз, которые непосредственно занимались разработкой отдельных положений будущих договоров о Таможенном союзе и Евразийской экономической комиссии, о Едином экономическом пространстве и о Евразийском экономическом союзе. Это является еще одним подтверждением того факта, что при разработке институциональной структуры и политических практик для Евразийского экономического союза широко использовался опыт Европейского союза.

Взаимодействие Европейского союза с другими региональными интеграционными объединениями

Региональная интеграция в современном мире является актуальной тенденцией современных международных отношений не только в Европе и Евразии, но региональные интеграционные процессы характерны для всех без исключения регионов мира. Характер интеграционных объединений в разных регионах мира различается. Соответственно, различается и характер отношений между разными региональными интеграционными объединениями и Европейским союзом. В ряде случаев имеют место отношения между Европейским союзом и другим интеграционным объединением, в ряде же случаев ЕС предпочитает сотрудничать с отдельными странами, принадлежащими к тому или иному интеграционному объединению, но не с интеграционным объединением в целом. Так, в 1995 г. в Мадриде Евросоюз и каждая из его стран-участниц подписали Межрегиональное рамочное соглашение о сотрудничестве с южноамериканским интеграционным объединением МЕРКОСУР и с каждой из его стран-участниц. Соглашение вступило в силу в 1999 г.¹, причем МЕРКОСУР выступает в качестве одной из сторон этого соглашения.

Аналогичным образом ЕС планирует институционально оформить свои отношения с Экономическим сообществом западноафриканских государств (ECOWAS) и с Западноафриканским экономическим и валютным союзом (UEMOA). В настоящее время готовится к подписанию многостороннее Соглашение об экономическом партнерстве между странами Западной Африки и этими двумя интеграционными объеди-

¹ Interregional Framework Cooperation Agreement between the European Community and Mercosur // Official Journal of the European Communities. 1999. April 29. P. L112.

нениями, с одной стороны, и Европейским союзом и его странами-участницами, с другой стороны¹. Предполагается, что западноафриканские интеграционные объединения выступают сторонами этого соглашения. Впрочем, для его подписания пока существуют значительные препятствия. Например, Либерия, которая, как предполагается, станет одной из сторон этого соглашения, пока не является членом Всемирной торговой организации. ЕС активно поддерживает заявку Либерии на вступление в ВТО, однако до того, как это произойдет, ЕС едва ли согласится подписать торговое соглашение, одной из сторон которого будет выступать Либерия.

Что касается других интеграционных объединений, то ЕС отказывается подписывать с ними торговые соглашения, предпочитая индивидуальные торговые соглашения с каждой из стран — участниц этих интеграционных объединений. Именно на такой основе строятся отношения Евросоюза с АСЕАН — Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии. В 2007 г. ЕС начал переговоры о создании зоны свободной торговли со странами АСЕАН, причем предполагалось, что соглашение будет заключено не между странами ЕС и странами АСЕАН, но сами интеграционные объединения — ЕС и АСЕАН — также выступают в качестве сторон этого соглашения. Однако в 2009 г. эти переговоры были свернуты по инициативе Евросоюза. Одновременно в 2007 г. ЕС ввел экономические санкции против одной из стран АСЕАН — Мьянмы, якобы из-за жестокости правительства при подавлении массовых акций политического протеста.

В 2010 г. срок действия санкций был продлен. Лишь весной 2013 г., не без влияния со стороны американской администрации (президент США Б. Обама посетил Мьянму за полгода до этого), ЕС отменил большую часть санкций против Мьянмы, сохранив эмбарго на экспорт в эту страну вооружений и «оборудования, которое может быть использовано для внутривнутриполитических репрессий»². В условиях, когда Евросоюз не хотел создавать зону свободной торговли с АСЕАН в целом, он начал переговоры по созданию зон свободной торговли с отдельными странами — участницами АСЕАН. С Сингапуром и Малайзией соответствующие переговоры начались в 2010 г., с Вьетнамом — в 2012 г., с Таиландом — в 2013 г. Ближе всех из стран АСЕАН к созданию зоны свободной торговли с ЕС подошел Сингапур, текст соответствующего соглашения с которым был согласован Европейской комиссией в 2014 г. Однако до сих пор соглашение о зоне свободной торговли между ЕС и Сингапуром остается неподписанным.

Наконец, ЕС никогда и не планировал заключения соглашения, одной из сторон которого выступал бы Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. В первом десятилетии XXI в. Евросоюз обсуждал возможность подписания торговых соглашений по отдельности с каждой или с некоторыми из шести стран — участниц этого Совета. Однако в 2008 г. все шесть стран — участниц Совета одновременно отказались от таких переговоров. Несмотря на то, что товарооборот шести стран Персидского залива с ЕС больше, чем их товарооборот с Китаем, не говоря уже про другие страны и регионы мира, неформальные контакты между представителями Евросоюза и этих стран, имевшие место в последующие годы, не принесли желаемого результата. Таким образом, Евразийский экономический союз не является единственным интеграционным объединением, с которым Евро-

¹ Economic Partnership Agreement between the West African States, the Economic Community of West African States (ECOWAS), and the West African Economic and Monetary Union (UEMOA), of the one part, and the European Union and Its Member States, of the other part // Опубликовано на сайте Европейской комиссии в сети интернет. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/october/tradoc_153867.pdf (дата обращения: 10.10.2015).

² Council Decision 2013/184/CFSP of 22 April 2013 concerning restrictive measures against Myanmar/Burma and repealing Decision 2010/232/CFSP // Official Journal of the European Communities. 2013. April 23. P. L111.

пейский союз не хочет развивать отношений. Евросоюз в принципе избегает взаимоотношений с интеграционными объединениями в других регионах мира, предпочитая налаживать отношения с отдельными странами — участниками этих интеграционных объединений. В данном контексте МЕРКОСУР является единственным исключением.

Представления о евразийской интеграции среди западных элит

Западные элиты осведомлены о том, что опыт Европейского союза широко использовался при формировании политических практик, составляющих основу процессов евразийской интеграции. Согласно заявлению, сделанному в ходе одного из заседаний восьмого Астанинского экономического форума в 2015 г., главе делегации Евросоюза в Казахстане А. Буше известно, что «опыт ЕС частично послужил в качестве источника вдохновения для основателей Евразийского экономического союза».¹ Однако на этом, в представлениях западных элит, сходства между процессами европейской и евразийской интеграции заканчиваются. Большая часть официальных документов, научных статей и научно-популярных произведений, созданных на Западе и посвященных проблематике Евразийского экономического союза, указывает не на сходства между ЕС и ЕАЭС, но на отличия между ними. Этим данные тексты схожи с западными, проанализированными в работе Х. К. Баба, которые рассматривают попытки мимикрии западных политических практик за пределами запада.

Эти тексты подчеркивают отличия между западными политическими практиками и попытками их мимикрии за пределами Запада с целью сформировать представления на Западе о том, что в результате этих попыток возникают политические практики, «почти такие же, как на Западе, но не совсем». Можно условно выделить три типа отличий между процессами европейской и евразийской интеграции, на которые указывают западноевропейские авторы. Во-первых, Европейский союз, в их представлениях, является стабильным интеграционным объединением, в то время как будущее Евразийского экономического союза представляется им туманным. В качестве основного аргумента здесь используется тот факт, что интеграционные процессы в Западной Европе протекают на протяжении почти 60 лет, начиная с подписания в 1957 г. так называемого Римского договора шестью западноевропейскими странами, в то время как Договор о Евразийском экономическом союзе вступил в силу только в 2015 г.

Предыдущий опыт экономической интеграции на постсоветском пространстве не учитывается. Это относится и к советскому опыту, благодаря которому в новых государствах СНГ изначально были приняты схожие стандарты в сфере экономического регулирования, и к опыту 1990-х гг., включая создание Союзного государства России и Беларуси, и к опыту первого десятилетия XXI в., включая создание Зоны свободной торговли СНГ, участницей которой Украина является до сих пор, и к опыту 2010–2015 гг., включая создание Таможенного союза и Единого экономического пространства. В качестве основной причины скорого краха Евразийского экономического союза называются политические противоречия между его государствами-членами. На рубеже 2014–2015 гг. американскими главным образом, авто-

¹ *Bouchez A.* Speech by Ambassador, Head of the EU Delegation to the Republic of Kazakhstan at VIII Astana Economic Forum, panel session «Development vectors of the Eurasian integration in the global context», Astana, Kazakhstan, May 21, 2015 [Электронный ресурс] // Сайт Европейской службы внешнеполитического действия. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/documents/press_corner/2015/hod_speech_aef_1_en.pdf (дата обращения: 10.10.2015).

рами было опубликовано несколько статей, посвященных разбору причин, по которым, в представлениях их авторов, ЕАЭС не просуществует долго. Две такие статьи — принадлежащие перу сотрудника Гудзонского института стратегических исследований Р. Вейтса [18] и сотрудника журнала «Foreign Policy» Р. Стэндиша [17] соответственно — были опубликованы в один день, 6 января 2015 г.

Во-вторых, западные авторы указывают на то, что в составе ЕАЭС есть одна крупная держава — Россия, остальные же страны — участницы этого интеграционного объединения являются малыми государствами, в то время как у истоков процессов европейской интеграции стояли три крупные державы: Франция, Германия и Италия (а также малые страны Бельгия, Нидерланды и Люксембург), которые не отличались существенно друг от друга ни по размеру территории и численности населения, ни по политическому влиянию и экономическому потенциалу. Этот дисбаланс между Россией и четырьмя другими странами ЕАЭС, по мнению авторов соответствующих текстов, является одной из важнейших причин будущего провала этого интеграционного объединения. Игнорируя роль других государств в процессах евразийской интеграции, в первую очередь роль Казахстана, эти авторы прямо называют ЕАЭС «российским проектом» [20], а иногда — даже личным проектом российского президента В. В. Путина [11].

В-третьих, западные авторы указывают на то, что если в основе европейской интеграции лежит экономическое сотрудничество между странами — участницами ЕС, то ЕАЭС является «в большей мере политическим и в меньшей — экономическим» проектом [15]. Эти авторы не только игнорируют экономическое сотрудничество между странами ЕАЭС (хотя для Беларуси, например, торговля с Россией составляет более половины всего внешнеторгового оборота), но они забывают и о том, что европейский интеграционный проект также является политическим в той же мере, в какой он является экономическим. На это указывают, в частности, Б. Бузан и У. Вэвер, создатели теории региональных комплексов безопасности [13]. По мнению последних, население стран Западной Европы на протяжении второй половины XX в. рассматривало возможность повторения крупномасштабных военных действий на европейском континенте, подобных Первой и Второй мировым войнам, в качестве наиболее серьезного вызова европейской безопасности. И одной из целей европейского интеграционного проекта было именно создание условий, при которых эти события не могли бы повториться.

Выводы

При создании Евразийского экономического союза активно использовался опыт Европейского союза. В частности, к работе по выработке политических практик, которые впоследствии нашли отражение в Договоре о Евразийском экономическом союзе и в других международно-правовых документах, на основе которых функционирует ЕАЭС и его отдельные институты, активно привлекались российские специалисты в области европейских исследований. Впоследствии эти специалисты отразили свой опыт участия в выработке этих политических практик в своих научных статьях. В результате, политические практики, принятые в ЕАЭС, во многом повторяют те, которые успешно действуют в ЕС. Казалось бы, сходство политических практик должно облегчить взаимодействие между двумя интеграционными объединениями. На деле же это становится препятствием для развития отношений между ними. Анализ текстов официальных документов, научных статей и научно-популярных работ, посвященных ЕАЭС и созданных западными авторами, показывает, что в них рассматриваются, главным образом, отличия между двумя интеграционными объединениями, сходства же между ними замалчиваются.

В этих текстах ЕАЭС предстает в качестве совокупности политических практик, «почти таких же, но не совсем таких», какие действуют в Евросоюзе. Это позволяет использовать для характеристики особенностей этих текстов понятие «мимикрия», введенное в постколониальную теорию международных отношений Х.К. Баба. Это понятие описывает не столько сами попытки воспроизведения политических практик, принятых на Западе, за пределами Запада, сколько те представления, которые формируются на Западе об этих попытках. Эти представления становятся препятствием для развития отношений между Западом и не-Западом, в данном случае — между ЕС и ЕАЭС, между ЕС и интеграционными объединениями в других регионах мира. Как показывает практика, единственным интеграционным объединением за пределами Запада, с которым ЕС поддерживает отношения как с единым целым, а не с его отдельными странами-участниками, является южноамериканский МЕРКОСУР.

Впрочем, как показывает практика взаимоотношений ЕС с другими интеграционными объединениями, существует и возможность преодоления негативного влияния этих представлений. Так, Экономическое сообщество западноафриканских государств может стать вторым региональным интеграционным объединением, с которым Евросоюз когда-нибудь будет выстраивать отношения на многосторонней основе, а не в двустороннем порядке с его отдельными странами-участницами. Более того, возможность налаживания отношений между ЕС и ЕАЭС, а не между ЕС и Россией, ЕС и Казахстаном и т. д. по отдельности, также не исключена. Так, в феврале 2015 г. сотрудники итальянского Института международных отношений К. Розелли и Э. Поли опубликовали доклад, в котором они доказывают, что доминирующее в Евросоюзе критическое отношение к ЕАЭС является контрпродуктивным с точки зрения интересов самого ЕС¹. Таким образом, на Западе может сформироваться и иное отношение к политическим практикам, схожим с западными, но возникающим за пределами Запада, чем то, которое характеризуется понятием «мимикрия».

Литература

1. Буторина О.В., Захаров А.В. О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2(27). С. 52–68.
2. Евразийская экономическая комиссия. Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. М. : УП ПРИНТ, 2014. 216 с.
3. ЕвразЭС и интеграционный опыт ЕС / под ред. М.Г. Носова (отв. ред.), А.Ю. Бочерева, Ю.А. Бойко. М. : Русский сувенир, 2009.
4. Косов Ю.В. Роль Римского договора в европейской интеграции // Управленческое консультирование. 2008. № 3(31). С. 46–50.
5. Ланко Д.А. Геополитика Евразии в представлении политических элит // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 11. С. 130–137.
6. Лизунова Е.А. Коммуникативная мимикрия и ее типы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4–4(52). С. 37–41.
7. Мишальченко Ю.В., Ткаченко С.Л. Евразийский экономический союз: перспективы построения экономического и валютного союза (на примере Европейского союза) // Евразийский юридический журнал. 2012. № 3 (46). С. 10–12.
8. Романова Т.А. Три урока европейской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 3. С. 248–256.
9. Филиппченко Ю.А. Изменчивость и методы ее изучения. М.–Л. : Госиздат, 1929.
10. Фомченков Т. Товарооборот РФ и ЕС в 2014 году сократился на 10 процентов // Российская газета. 2015. 11 июня.

¹ Roselli C., Poli E. The EU and EEU: Hidden Opportunities for Inter-Regional Cooperation? // Опубликовано на сайте аналитического центра «International Relations and Security Network» (Цюрих, Швейцария). URL: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Articles/Detail/?lng=en&id=188069> (дата обращения: 10.10.2015).

11. Adomeit H. Putin's 'Eurasian Union': Russia's Integration Project and Policies on the Post-Soviet Space. Istanbul : Kadir Has University, Center for International and European Studies, Black Sea Trust for Regional Cooperation, Project of the German Marshall Fund. Neighborhood Policy Paper N 4. 2012.
12. Bhabha H. K. The Location of Culture. London and New York: Routledge, 1994.
13. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
14. Ferdinand P., Wang J. China and the IMF: From Mimicry towards Pragmatic International Institutional Pluralism // International Affairs. 2013. Vol. 89. N 4. P. 895–910.
15. Jarosiewicz A., Fischer E., Bakunowicz T. The Eurasian Economic Union — More Political, Less Economic // OSW Commentary. 2015. N 157 (January 20). P. 1–8.
16. Ling L. H. M. Cultural Chauvinism and the Liberal Institutional Order: 'West vs. Rest' in Asian Financial Crisis // Power, Post-Colonialism and International Relations: Reading Race, Gender and Class / Ed. by G. Chowdhry and S. Nair. London and New York : Routledge, 2004. P. 115–141.
17. Standish R. Putin's Eurasian Dream Is Over Before It Began // Foreign Policy. 2015. January 6.
18. Weitz R. After Ukraine, Putin's Eurasian Union Might Be Dead on Arrival // World Politics Review. 2015. January 6.
19. Wiseberg L. S. Human Rights in Africa: Toward the Definition of the Problem of a Double Standard // Issue: A Journal of Opinion. 1976. Vol. 6. N 4. P. 3–13.
20. Wiśniewska I. Eurasian Integration: Russia's Attempt at the Economic Unification of the Post-Soviet Area. Warsaw : Centre for Eastern Studies, 2013.

References

1. Butorina O. V., Zakharov A. V. *On a scientific basis of the Eurasian Economic Union* [O nauchnoi osnove Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza] // the Eurasian economic integration [Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya]. 2015. N 2(27). P. 52–68. (rus)
2. *Eurasian Economic Commission. Eurasian Economic Union. Questions and answers. Figures and facts* [Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz. Voprosy i otvety. Tsifry i fakty]. M. : PRINT Unitary Enterprise, 2014. (rus)
3. *EurAsEC and integration experience of the EU* [EvrAzEs i integratsionnyi opyt ES] / Under the editorship of M. G. Nosov (ex. edition), A. Yu. Bochever, Yu. A. Boyko. M. : Russian souvenir [Russkii souvenir], 2009. (rus)
4. Kosov Yu. V. *Role of the Roman contract in the European integration* [Rol' Rimskogo dogovora v evropeiskoi integratsii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2008. N 3 (31). P. 46–50. (rus)
5. Lanko D. A. *Geopolitics of Eurasia in representation of political elite* [Geopolitika Evrazii v predstavlenii politicheskikh elit] // Euroasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2012. N 11. P. 130–137. (rus)
6. Lizunova E. A. *Communicative mimicry and its types* [Kommunikativnaya mimikriya i ee tipy] // Bulletin of the Kemerovo State University [Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2012. N 4–4 (52). P. 37–41. (rus)
7. Mishalchenko Yu. V., Tkachenko S. L. *Eurasian Economic Union: prospects of creation of the economic and currency union (on the example of the European Union)* [Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: perspektivy postroeniya ekonomicheskogo i valyutnogo soyuza (na primere Evropeiskogo soyuza)] // Eurasian law journal [Evraziiskii yuridicheskii zhurnal]. 2012. N 3 (46). P. 10–12. (rus)
8. Romanova T. A. *Three lessons of the European integration* [Tri uroka evropeiskoi integratsii] // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2013. N 3. P. 248–256. (rus)
9. Filipchenko Yu. A. *Variability and methods of its studying* [Izmenchivost' i metody ee izucheniya]. M.–L. : State publishing house [Gosizdat], 1929. (rus)
10. Fomchenkov T. *Commodity turnover of the Russian Federation and the EU in 2014 was reduced by 10 percent* [Tovarooborot RF i ES v 2014 godu sokratilsya na 10 protsentov] // Russian newspaper [Rossiiskaya gazeta]. 2015. June 11. (rus)
11. Adomeit H. Putin's 'Eurasian Union': Russia's Integration Project and Policies on the Post-Soviet Space. Istanbul : Kadir Has University, Center for International and European Studies, Black

Sea Trust for Regional Cooperation, Project of the German Marshall Fund. Neighborhood Policy Paper N 4. 2012.

12. Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London and New York : Routledge, 1994.
13. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
14. Ferdinand P., Wang J. *China and the IMF: From Mimicry towards Pragmatic International Institutional Pluralism* // International Affairs. 2013. Vol. 89. N 4. P. 895–910.
15. Jarosiewicz A., Fischer E., Bakunowicz T. *The Eurasian Economic Union — More Political, Less Economic* // OSW Commentary. 2015. N 157 (January 20). P. 1–8.
16. Ling L. H. M. *Cultural Chauvinism and the Liberal Institutional Order: 'West vs. Rest' in Asian Financial Crisis* // Power, Post-Colonialism and International Relations: Reading Race, Gender and Class / Ed. by G. Chowdhry and S. Nair. London and New York : Routledge, 2004. P. 115–141.
17. Standish R. *Putin's Eurasian Dream Is Over Before It Began* // Foreign Policy. 2015. January 6.
18. Weitz R. *After Ukraine, Putin's Eurasian Union Might Be Dead on Arrival* // World Politics Review. 2015. January 6.
19. Wiseberg L. S. *Human Rights in Africa: Toward the Definition of the Problem of a Double Standard* // Issue: A Journal of Opinion. 1976. Vol. 6. N 4. P. 3–13.
20. Wiśniewska I. *Eurasian Integration: Russia's Attempt at the Economic Unification of the Post-Soviet Area*. Warsaw : Centre for Eastern Studies, 2013.